

РЕВИЗИЯ ЖИЗНИ

АЛЕКСАНДР БУШКОВСКИЙ. ЯСНОВИДЕЦ ПЯТАКОВ: РОМАН.
М., АСТ: РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ, 2022

ТАТЬЯНА ВЕРЕТЕНОВА

Родилась в Москве в семье филологов. В 1996 году окончила филологический факультет МГУ (русское отделение). Преподавала русский язык иностранцам в МГУ и других вузах. В течение 14 лет преподавала русский язык и литературу XIX века абитуриентам МГУ.

Занималась исследованием творчества Гайто Газданова. В 2004–2008 годах работала в журнале «Йога» и издательстве «Ритам-бхара». С 2008 года подолгу жила в Индии, вела семинары по хатха-йоге, читала лекции. Сотрудничала с аюрведическим госпиталем в Чилианауле

(Средние Гималаи) — переводила лекции и консультации врачей (в Индии и в Москве). С 2013-го живет попеременно в Германии и России. Пишет рецензии и отзывы о современной русской прозе. Печаталась в журналах «Знамя», «Урал», «Традиция и Авангард», «Этажи» и других.

Показать героя, творящего духовное подвижничество или даже подвиг, нелегко, хотя и возможно: скажем, Евгению Водолазину в «Лавре» это вполне удалось. Но одно дело работать с такой тематикой на материале историческом, иное — на современном. Александр Бушковский, а точнее повествователь в его новом романе «Ясновидец Пятаков», решает, что писать об этом следует «без всякого художества». Вот тогда и получится рассказать историю человека и историю чуда.

Сюжетная особенность романа в том, что предыстории героев занимают больше текстового объема, чем основное действие. Тринадцатая глава состоит, например, из трех эпизодов-флешбэков — «нан будто три записи из истории болезни», — которые поначалу и непонятно, с кем из героев соотносить.

В жанровом отношении «Ясновидец Пятаков», как и предыдущий роман писателя «Рымба», близок к притче. Место и время действия обобщены: небольшой российский город (в котором, однако, есть и порт, и вуз); неопределенные, примерно нынешние времена; ответами на страницах то одно, то другое время года. И герои в основном обычные, ничем ни примечательные граждане, жители этого города; несколько героев — портовые грузчики из одной бригады. Нан и «Рымба», «Ясновидец Пятаков» выполняет задачи духовно целительные, рассказывает о тех, кто опомнился (и о тех, кто не хочет опомниться). Недаром и начинается роман со сцены на паперти, с исповеди и покаяния.

При этом главный герой не монах и даже не духовное лицо. Гаврин Пятаков, средних лет, невысокий, худощавый, незаметный и безобидный, работает на стройке и однажды, огорченный размолвкой с женой, падает со строительных лесов, получает серьезные травмы. А когда приходит в себя в больнице, то становится понятно, что с его сознанием произошли некие качественные изменения. К тому, впрочем, были предпосылки еще

в детстве — это ясно из предыстории о его отношениях с дедом, понимавшим духовный потенциал внука («Он много чего наперед видел», — говорит о нем друг деда Серега, передавший Гаврику молитвослов). У Пятанова проявляется дар ясновидения (не всем очевидный): «Через свою сломанную голову и треснувшую спину этот Гаврик вдруг установил связь с чем-то более реальным, чем зимний город, снег и фонари...»

Историю эту можно было бы считать фантастической, но она просто чудесная. И, смею утверждать, вполне жизненная, реальная, так как сходный случай когда-то произошел с очень близким мне человеком.

Помимо Пятанова, в палате травматологии лежат еще трое пациентов, все они так или иначе чувствуют инаковость Гаврина. Для одного из них (Чингисхана) в Гаврике — спасение, но для двух других — гибель, причем настолько близкая, что они немедленно попытаются его убить. И хотя сюжет вроде бы временно явит борьбу сил добра и зла, автор скоро даст понять, что любое зло может быть превращено, трансформировано в добро, только необходимо смирение, самопожертвование, личный подвиг... Это все слова высокие, однако Бушковскому хватает внутреннего чутья рассказать историю незатейливо и иронично, с прибаутками, не впадая в пафос. Подобная стилистика объясняет и смешные, пародийные, даже какие-то анекдотические имена и прозвища героев. Одаривая героев подобными именами, автор осознанно идет как будто на снижение, умаление образа, делает героев нелепыми, чуть ли не юродивыми: Гаврик Пятанов, Миша Медвежонок, Чингисхан, Вася Вакуум... Но таким образом он их и оберегает: его героев невозможно представить загордившимися — имя не позволяет.

Гаврика до больницы «никто всерьез не воспринимал». В социуме, как говорит о нем уполномоченный Владимиров, Пятаков «Никто. Шестерка. Мужичок-работяга». Бушковский как раз и показывает, что хотя «человек немощен и грешен, но с божьей помощью все может». Первая трансформация Гаврина случается уже в самом начале повествования, после исповеди: «Мутная тоска куда-то уползла, впусив на свое насиженное место спокойную радость». (Формально завязка сюжета происходит именно тогда: на паперти Пятаков узнает о смерти бича Андрюхи, с которым был знаком с детства и вместе служил в армии.) В больнице, придя в сознание (в несколько иное сознание) после падения, Гаврик становится видящим и кротким, и пространство вокруг него немедленно активизируется и меняется. Что особенного в этом пространстве? Радость! Гаврик одним лишь своим присутствием начинает распространять (транслировать) каную-то неземную радость. «Радоваться! Удивительно, что именно состояние тайной радости помимо прочего — испугов и напрягов — одновременно испытали мы с шефом, как только уловили волну Гаврика. Он словно просил нас взглянуть внимательнее на свет в больничных окнах, на пациентов и врачей, на время и пространство вокруг нас. И радоваться!» — замечает повествователь.

Заглянув за границу жизни/смерти, Гаврик становится более ориентирован на духовное, отрешен от предметного мира и, чтобы сохранять связь с высшим, ведет аскетичное существование: «Носит все время свою старую робу, не то чтобы не желая, а, похоже, не задумываясь, что можно надевать и другую одежду. ...Гаврик ничего не пьет-не ест, кроме жидкого чая с сушками, а разговоры о необходимости поесть не поддерживает». Некоторое время спустя Пятаков станет работать поваром в бригаде грузчиков, но он питает товарищей не только супами и нашими:

«Многие из нас были обязаны ему чем-то добрым, полезным или вовсе просто чудом, не побоюсь этого слова. Но все же он ушел, и стало нам не хватать... смешно сказать, будто бы какой-то радости».

Михаил Медвежонок — молодой самоироничный парень, отслуживший в стройбате, добрый и толковый, с творческими наклонностями, который «мечтает об искусстве и пытается его сотворить», но «ради хлеба насущного трудится в бригаде грузчиков» под руководством Аленсея Темчинова. Вот Михаил-то, как выяснится уже во второй главе, и станет повествователем истории про Гавриила Пятанова. (Но здесь логика романа бунсует: если Медвежонок рассказывает по просьбе бригадира о Гаврине, то кто столь подробно рассказывает о его антагонисте Петре Фомиче?) Автор как будто прищипывается его неопытностью в профессиональном плане фигурой от возможных стилистических и сюжетных упреков. На его неопытность и молодость можно списать, например, слабость женских образов, которые живут в сюжете какой-то особой своенравной жизнью, мало понятной, похоже, не только читателю, но и самому автору. Порой со страниц проглядывает что-то вроде смущения повествователя, стремления извиниться перед читателем за неловкость своего неуверенного слога. Скромность и смущение (которые воспринимаются как качества трогательные, положительные), впрочем, не отменяют чувства собственного достоинства.

Именно между Гаврином и Медвежоном происходят в этой истории (где герои о многом молчат) главные диалоги. Скажем, их разговор о свободе, добре и зле, переходе через смерть; разговор, в котором Михаил эмоционально спрашивает, допытывается, а Пятаков неохотно отвечает:

«... — И то, что свободы лишить невозможно?

— Невозможно. — Он говорил медленно, с напряжением. — Но вдруг перепутаешь ее со своеволием?

— И то, что есть добро без изъяна? И абсолютное зло?

— Есть, и между ними свободный выбор.

Своими небыстрыми ответами он словно сдерживал мой напор.

— И то, что кладбище, могила и опарыши — неважны?..

— О них не стоит думать вообще.

— И то, что надо не сдаваться аж до самой...

— И даже после. Достойно бы ее преодолеть...»

Медвежонок так описывает новое состояние Гаврина и его новый способ взаимодействия с людьми: «Чингисхан и я, мы оба слышим мысли этого человека. ...Мало того, он знает наши мысли. ...Это еще не все. Ощущение такое, будто он, ужасаясь, не хочет чего-то нам показывать и одновременно просит, умоляет, подгоняет делать так, чтобы этого кошмара не случилось. Какого рода его ужас, я не совсем понял, однако опасаясь, лучше бы и вовсе не понимать».

После встречи и общения с Гаврином Михаил Медвежонок чувствует необходимость задуматься, оглянуться на свою жизнь: «...я провел ревизию своей двадцатитрехлетней жизни в том ракурсе, как увидел ее Гаврином, ну и я — его глазами. Результат оказался плачевным. В моем активе не нашлось ни одного приличного поступка, который бы оправдал мое существование». Но герой-повествователь молод, у него есть силы и оптимизм, и он начинает действовать незамедлительно.

Однако не только Медвежонок — практически все персонажи романа Бушновского так или иначе попадают под влияние чудесного дара Гаврина.

Аленсей Алексеевич Темчинов (по прозвищу Чингисхан) — «человек могучей стати и обходительного обращения», этаний современный Нудеяр-атаман, уже вставший на путь исправления (преступления его в предыстории), бригадир грузчиков, но при этом «философ-натуралист», старательно делающий добрые дела. Акцент в его судьбе не на том, скольких погубил, а на том, скольким смог помочь. А помогает он практически всем, в первую очередь — Гаврику, понимая, что это его шанс.

Петр Фомич Плимплюс — основной антагонист Гавриана Пятанова. Вузовский преподаватель литературы, почти профессор, почти доктор наук, ведущий «образ жизни угрюмого холостяка», он размышляет о том, как «достичь настоящей свободы», философствует, читает Платона и Аристотеля, Спинозу, Хайдеггера, Ницше... И в итоге понимает свободу как раз как своеволие: «...свобода! ...Полная независимость. Спокойствие, уверенность и мужество. ...Свобода — это все! Возможность поступать, как тебе нужно». Его рациональное мышление противопоставлено чуду, он отрицает чудесное и учит своих студентов «не верить в чудеса, а доходить до сути». Плимплюс, хотя и не бедный студент, а вполне обеспеченный преподаватель, устраивает себе преступления-самопроверки совершенно в духе Раскольникова (о его преступных замыслах и деятельности умолчу, чтобы не множить спойлеры). Гаврик испытывает к нему большое сострадание, а в кульминационном эпизоде, по сути, спасает его душу.

Да, Александр Бушковский не мелочится: он пишет о самом главном — о спасении души: «Но душа-то вылетит! И ужаснется!» Быть может, то, что писатель делегирует таинство спасения человеку простому, невзрачному, даже пьющему, — и неожиданно, и спорно, и в то же время как-то предельно правдиво.

Отсюда и некоторая второстепенность образов служителей церкви: отца Петра, отпевавшего деда Гавриана, и отца Николая. Отец Николай — «молодой и интеллектуальный, похожий, как казалось Гаврику, на аспиранта и на хиппи одновременно» — выслушивает исповедь Пятанова и предполагает: «Вам, Гавриил, возможно, дан второй шанс. Задуматься и измениться». Гаврик свой шанс использует, а отец Николай еще появится на последних страницах.

В художественном плане «Ясновидец Пятанов», пожалуй, не столь гармоничен, как «Рымба» (претензии могут быть и к композиции, и к языку — одни только утиные «крылья по локти» чего стоят!), но чем этот роман превосходит предыдущую книгу, так это мощным духовным посылом. Как и в «Рымбе», здесь Бушковский вновь демонстрирует особую черту своей повествовательной манеры: просто и без назидательности рассказать, что такое хорошо и что такое плохо. Главные герои его книг — деревенские жители и провинциальные горожане — тот самый народ, о котором современная русская проза почти забыла. В «Ясновидце Пятанове» человек на духовном пути сосредоточен не только на собственной трансформации и духовном становлении, но и на помощи другим: Гаврик помогает уже одним своим присутствием и спасает, жертвуя собой.

На обложке книги Бушковского изображен разлившийся по асфальту шоссе бензин, разбитые очки и стекла — намен на кульминацию. А вот мне при чтении вспомнилась созвучная романной манере писателя наивная живопись Нати Медведевой, ее люди-ангелы, ангелы-хранители. Ведь романы Бушковского — о том, что земное временно, о том, что в глубине каждого человека скрыта ангельская сущность.

Об устремленности в небо.